

Греческій распѣвъ.

Греческій распѣвъ исполнялся клирошанами самой первой русской церкви. Они, греки по своему происхожденію, знали греческій распѣвъ, какъ пѣніе своей отечественной церкви. Осмогласная мелодія греческаго распѣва, исполнявшаяся на клиросѣ первой русской церкви, была изложена въ особыхъ пергаменныхъ рукописяхъ, извѣстныхъ церковной древности подъ именемъ *Кондакарей*.

Кондакарныя ноты писаны въ двѣ строки: въ строкѣ, ближайшей къ тексту, *мелкимъ* почеркомъ, и непосредственно надъ каждымъ слогомъ текста, а въ строкѣ, дальнѣйшей отъ текста, *крупнымъ* по-

мастеровъ церковной музыки передъ этими потрясающими звуками, неподказанными наукой, а вынесенными прямо изъ души, насквозь проникнутой тѣмъ чувствомъ, съ которымъ должно *благословить Господа*. Строгіе контрапунктисты бросятъ свои теоріи и руководства передъ этимъ пѣніемъ, повергающимъ въ прахъ всякое человѣческое искусство... И замѣчательно, что лаврское пѣніе не вдругъ можетъ предстать во всемъ величій первому явившемуся слушателю; испытующій дилетантъ музыки, пожалуй, даже заподозритъ человѣка, наговорившаго ему объ этомъ, въ пристрастїи и не пониманїи дѣла. Но такъ оно и должно быть: лаврское пѣніе — дѣло святое, чистое, небесное; а ко всему этому мы, по несчастному настроенію нашей растлѣнной природы, какъ-то глухи, туши и непрїимчивы. Для пониманія вещей духовныхъ заповѣдуютъ намъ просвѣтлить внутреннее наше зрѣніе; точно также и для пониманія музыки, подобной лаврскому пѣнію, надобно очистить внутренній слухъ нашъ, выкинуть изъ него всѣ пустопорожнія свѣтскія мелодїи, забыть даже, если возможно, что вы слушаете музыку, а научиться уноситься духомъ въ молитвенномъ воздыханїи, выраженїемъ котораго православная церковь достойно и праведно признала не бездушныя органы, а живой голосъ живаго человѣка. Тогда только можно постигнуть и обнять душою это пѣніе, подобнаго которому, говорю твердо и рѣшительно, нѣтъ во всей Руси. Приглашаю какого угодно дилетанта походить недѣлю — другую въ св. Лавру и благоговѣнно прислушаться къ этимъ звукамъ. Самъ потѣмъ удивится онъ тому своему неразумнїю, по милости котораго прекрасное и высокое казалось ему чѣмъ-то простымъ и самымъ обыкновеннымъ; самъ не замѣтитъ, какъ простоятъ ровно *четверть часа*, слушая пѣніе предначинательнаго псалма».

черкомъ и всегда надъ цѣлою группою мелкихъ нотъ. Мелкія ноты означаютъ мелодическіе звуки, а крупныя означаютъ мелодическое выраженіе, съ какимъ должны быть произнесены звуки мелкихъ нотъ. Крупныя ноты вполнѣ соотвѣтствуютъ *великимъ знаменіямъ* (*μεγάλα σημάδια*) въ нынѣшнемъ нотописаніи константинопольской церкви. Кондакарное пѣніе, первый видъ греческаго распѣва, прекратилось на клиросахъ русской церкви въ XIV вѣкѣ; не сохранилось оно и между пѣвцами греческой церкви. Нынѣ кондакарное пѣніе служитъ предметомъ для однихъ археологическихъ изслѣдованій.

«Когда воздвигаемъ былъ обрѣтенный св. Еленою честный и животворящій крестъ, предстоящіе, какъ говоритъ преданіе, возглашали только — *Господи помилуй*. Шумень, должно бытъ, бытъ такой лишь сотней тысячъ, проникнутыхъ однимъ чувствомъ; чужень и невыразимо величественъ аккордъ необъятной толпы, слившейся въ одну массу и въ двухъ только словахъ — *kyrie eleysonъ* выражавшей все, что тогда волновало ее. Во всѣ концы вселенной пошла потому эти слова, составлявшія душу и жизнь человечества, которому прежде всего нужно покаяніе и помилованіе. Слышала я и моцартовское и гайдновское — *kyrie eleysonъ*; слышала многообразныя напѣвы — *Господи помилуй* и отъ нашихъ православныхъ хоровъ: но ни одно изъ нихъ не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ пѣніемъ этихъ, повидимому, самыхъ простыхъ словъ, какое имѣетъ лавра. Переложено это пѣніе и на искусственныя наши ноты, съ соблюденіемъ какъ будто бы всего, что нужно: но нѣтъ, не то. Въ прахъ и сознаніе своего ничтожества помергаетъ человекъ, слушая только — *Господи помилуй*, поемое немногочленнымъ лаврскимъ клиромъ. Все — въ этомъ пѣніи: и грусть, и плачь, и какая-то сердцу непонятная ограда. Въ семь полныхъ тактовъ *adagio* заключены гдѣ два слова; замѣгле, въ семь тактовъ — знаменательное число! Отъ чего же не въ шесть, не въ восемь? Незнаю; знаю только, что душа разрывается отъ этого сокрушеннаго плача. — *Блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ*, опять заводитъ тотъ же громовый голосъ уставщика, и опять начинается великая пѣснь, которую бы слушать, слышала бы безконечно слушать... Трудно передать земнымъ языкомъ неземныя чувства; невозможно выразить словами общій характеръ этого величественнаго пѣнія. Въ немъ нѣтъ ничего подобнаго обыкновенной музыкѣ лучшихъ композиторовъ: это отголосокъ вѣчнаго, небеснаго, служенія, вселяющій благоговѣнное удивленіе». Великіе дни богослуженія въ киевопечерской Лаврѣ, Сиб. 1859 г. стр. 42—49 и 14. 15.

пѣвали съ греческими пѣвцами въ одномъ и томъ же храмѣ, хотя на разныхъ клиросахъ, «на правомъ Діонисій архимандритъ, да Мелетій съ товарищи по гречески, а на лѣвомъ — патріарховы пѣвчіе дьяки и поддьяки греческимъ же пѣніемъ рѣчи рускія». Такое совмѣстное пѣніе греческихъ и русскихъ пѣвцовъ происходило въ московскомъ успенскомъ соборѣ на утрени въ Пасху 1667 года. Развитый пѣвческій слухъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ бы указалъ на разность, если бы она существовала: но греческіе и рускіе пѣвцы и слушатели находили разность только въ текстѣ, а не въ самомъ напѣвѣ. Убѣжденіе въ точномъ переводѣ новаго греческаго пѣнія много содѣйствовало къ скорому распространенію его на церковныхъ клиросахъ. Новый греческій распѣвъ, построенный по законамъ церковнаго осмогласія, въ концѣ XVII в. составлялъ уже общую принадлежность всей русской церкви¹⁾.

ОБЩІЙ ВИДЪ ГРЕЧЕСКАГО РОСПѢВА.

la	si	do	re	mi	fa	sol	la	
				К		Г		4-й гл.
		К		Г	Г			1-й гл.
			КГ					5-й гл.
		К		Г				4-й гл.
		К				Г		8-й гл.
		К		Г				2-й и 6-й гл.
		К		Г				3-й гл.
		КГ						7-й гл.

¹⁾ Греческимъ обыкновенно распѣвомъ исполняются нынѣ тропари во дни Господскихъ праздниковъ; напр. на Преображеніе Господне 7-го гл.; тропари во дни святыхъ, особенно 1-го и 3-го гласовъ, и другія пѣснопѣнія, какъ напр. *Богородице дѣво, радуйся* и задостойникъ на пятидесятницу 4-го гласа. Ревнители церковнаго раскола отвергли новый греческій распѣвъ при самомъ появленіи его. Они, во всемъ ихъ составѣ, во всѣхъ ихъ разнovidныхъ вѣтвяхъ поповщины и безпоповщины доселѣ чуждаются греческаго распѣва, какъ новшества въ церковномъ пѣніи.

Изъ этого видно, что 1) всѣ главные гласы, или первые четыре гласа, въ употребляемомъ нынѣ греческомъ распѣвѣ, имѣютъ господствующимъ звукомъ большую терцію отъ ихъ конечнаго звука *do*; 2) сродномузыкальность гласовъ основана въ греческомъ распѣвѣ на сходствѣ ихъ области, — какая область въ 1-мъ гласѣ, таже и въ сродномузыкальномъ ему 5-мъ гласѣ, — какая область во 2-мъ гласѣ, таже и въ сродномузыкальномъ ему 6-мъ гласѣ, и т. д.; 3) седьмой гласъ греческаго распѣва, согласно древнимъ пѣвческимъ указаніямъ, доселѣ можетъ справедливо называться *низкилъ* (*ζαρός*) по своей степени¹⁾. Греческій распѣвъ по-

¹⁾ Въ частности *первый и пятый* гласы греческаго распѣва вращаются въ области пентахорда *do — sol*. Но въ пятомъ гласѣ *re* принимается за господствующій и окончательный звукъ; а въ первомъ гласѣ окончательнымъ звукомъ служитъ *do*, а господствующимъ или *mi* (въ тропарѣ и богородичнѣ на Богъ Господь), или *fa* (въ задостойникахъ). *Второй и шестой* гласы греческаго распѣва одинаково имѣютъ мелодію въ тетрачордѣ *do — fa* съ господствующимъ звукомъ *mi* и окончательнымъ *do*. Окончаніе 2-го гласа на свой господствующій звукъ (*mi*) должно принимать не за основную тональность, а только за терцію отъ *do* (въ тропарѣ и богородичнѣ на *Богъ Господь*). *Третій и седьмой* гласы греческаго распѣва имѣютъ мелодію въ пентачордѣ *la — mi*. Третій гласъ чаще всего употребляетъ въ мелодіи звукъ *mi*, и самую мелодію оканчиваетъ на *do*; въ седьмомъ же гласѣ звукъ *do* служитъ не только окончательнымъ, но и господствующимъ звукомъ. *Четвертый гласъ* греческаго распѣва не однороденъ по своей области. Онъ имѣетъ мелодію въ пентачордѣ *re — la* (въ задостойникахъ) съ господствующимъ звукомъ *sol* и не совершеннымъ окончаніемъ *mi*, терціею отъ основнаго окончанія (окончаніе *mi* признается несовершеннымъ потому, что мелодія, къ которой принадлежитъ звукъ *mi*, не закончена). Тотъ же четвертый гласъ поется въ области *do — sol* (въ тропарѣ и богородичнѣ на Богъ Господь) съ господствующимъ звукомъ *mi*, и конечнымъ *do*. Въ этомъ случаѣ четвертый гласъ по своему устройству почти совпадаетъ съ первымъ гласомъ греческаго распѣва: но разность состоитъ въ мелодическомъ движеніи. Восьмой гласъ греческаго распѣва въ пентачордѣ *do — sol* имѣетъ господствующимъ звукомъ *sol* и конечнымъ *do*. Гласовыя строки греческаго распѣва отчасти разобраны г. Потуровымъ въ его Руководствѣ къ практ. изученію древняго богослуженія М. 1872 г. стр. 85 — 91, 94, 95.

этому составляет собою самобытную отрасль въ ряду другихъ распѣвовъ русской церкви и различается отъ кіевскаго и болгарскаго распѣва тѣмъ, что не придаетъ никакого гласоваго значенія звуку *zi*, т. е. не употребляетъ его ни какъ господствующій, ни какъ конечный, звукъ.

Болгарскій распѣвъ.

Болгарскій распѣвъ по самому названію своему принадлежалъ клиросу болгарской православной церкви и составленъ для пѣвцовъ ея не ранѣе IX вѣка. Русская церковь въ самомъ началѣ своемъ получила болгарскій распѣвъ отъ *болгарскихъ славянъ*, поселившихся въ Кіевѣ еще при святомъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ. Нынѣ нѣтъ уже потныхъ памятниковъ, современныхъ первоначальному великому событію; не сохранились они и въ самой Болгаріи. Болгарскій распѣвъ, нынѣ извѣстный русской церкви, принесенъ въ Москву пѣвцами православныхъ югозападныхъ братствъ въ послѣдніе годы жизни патріарха Іосифа (1648 — 50 г.). Русскіе пѣвцы, почти современные появленію братскихъ пѣвцовъ въ Москвѣ, скоро усвоили себѣ мелодію болгарскаго распѣва и легко отличали се отъ всякаго другаго напѣва. Барскій, посѣтившій аѳонскія обители въ началѣ XVIII вѣка, слушалъ тамъ разнородныя напѣвы и между ними тотчасъ узналъ *болгарское пѣніе*. Болгарскій распѣвъ, послѣ появленія своего въ Москвѣ, почти полтора вѣка сохранялся въ однихъ нотныхъ безлинейныхъ и линейныхъ рукописяхъ¹⁾.

¹⁾ Нотныя рукописи болгарскаго распѣва весьма обширны по своему мелодическому содержанію. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ надпись: *пѣніе болгарское, на восель гласовъ, напѣломъ большимъ*. Лучшая изъ нотнотлинейныхъ рукописей болгарскаго распѣва принадлежитъ Б-кѣ гр. А. С. Уварова, in 4° № 807. См. Итн. книги, матеріаль для исторіи церк. пѣнія въ Россіи.